

УДК 394.014

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.1.6>И. Г. Иванцов
И. В. Дубинин**«ЛЮБЕЗНЫЙ СЫН МОЙ ИОАНН».
ИЗ ПИСЕМ ДИОМИДА НЕСТЕРОВИЧА ПОПКО
ИВАНУ ДИОМИДОВИЧУ ПОПКО (1857–1870 гг.)**

Исторические исследования провинциальной повседневной жизни становятся все более популярными не только среди ученых-историков, но и вызывают интерес у читателей. В подобных изысканиях весьма важна роль источников, в том числе большой ценностью обладают сохранившиеся материалы личного происхождения, особенно когда это касается давно ушедшего века XIX.

Статья посвящена переписке Диомид Нестерович Попко (1789–1872), протоиерея Тимашевского куреня со своим сыном, в период с 1857 по 1870 гг., будущим генерал – лейтенантом Кубанского казачьего войска, одним из первых историков Черномории, автором ряда литературных произведений, книг и статей по истории черноморского, кубанского, и терского казачьих войск – Иваном Диомидовичем Попко (1819–1893), служившим в этот период в Санкт-Петербурге, во 2-м эскадроне Лейб-Гвардии Черноморского казачьего дивизиона, затем находившимся в должности командира Псекупского полка Кубанского казачьего войска, базировавшегося в станице Ключевой, Кубанской области. Отечественными историками уделялось много внимания различным фактам из его богатой на события жизни. Но вот его отношения с близкими и родными уделялось, как кажется авторам, внимания недостаточно, кроме этого, не

до конца выявлены и многие спорные факты его биографии. Потому очень интересно узнать о его жизни и взаимоотношениях с отцом из их переписки, где он выступает послушным и почтительным сыном.

В Государственном архиве Ставропольского края, в фонде 377, авторами статьи было выявлено пять писем Диомид Нестеровича адресованные его сыну, все написанные из куреня Тимашевского. Они и послужили основой для источниковой базы статьи. Письма способствуют более широкому пониманию взаимоотношений внутри семьи, а также в среде близких друзей и родственников генерала, которым он всю свою долгую жизнь старался покровительствовать, поскольку имел к тому должные финансовые возможности и нравственный авторитет.

Ключевые слова: историческая биография, Диомид Нестерович Попко, И. Д. Попко, эпистолярные источники, история семьи.

Для цитирования: Иванцов И. Г., Дубинин И. В. «Любезный сын мой Иоанн». Из писем Диомид Нестеровича Попко Ивану Диомидовичу Попко (1857–1870 гг.) // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10 (1). С. 50–56. DOI: 10.37493/2409-1030.2023.1.6

Igor G. Ivantsov
Igor V. Dubinin**«MY DEAR SON JOHN» FROM THE LETTERS OF DIOMID NESTEROVICH POPKO
TO IVAN DIOMIDOVICH POPKO (1857 – 1870)**

Historical studies of provincial everyday life are becoming increasingly popular not only among historians, but also cause interest among readers. In such surveys, the role of sources is very important, including the preserved materials of personal origin, especially when it concerns the long-gone age of the XIX.

The article is devoted to the correspondence of Diomid Nesterovich Popko (1789–1872), Archpriest of the Timashevsky Kuren with his son, from 1857 to 1870, the future general-lieutenant of the Kuban Cossack army, one of the first historians of Chernomorye, the author of a number of literary works, books and articles on the history of the Black Sea, Kuban, and Terek Cossack troops – Ivan Diomidovich Popko (1819–1893), who served during that period in St. Petersburg, in the 2nd squadron of the Life Guards of the Black Sea Cossack Division, then located as commander of the Psekup regiment of the Kuban Cossack troops based in the village of Keyvoye, the Kuban region. Russian historians paid a lot of attention to various facts from his life rich in events. However, his relations with loved ones and relatives were given little attention. In addition, many controversial

facts of his biography were not fully revealed. Therefore, it is very interesting to learn about his life and relationships with his father from their correspondence, where he acts as an obedient and respectful son.

In the State Archive of the Stavropol Territory, in the Foundation 377, the authors of the article revealed five letters of Diomid Nesterovich addressed to his son, all written from Kurenaya Timashevsky. They served the main source base for the article. The letters contribute to a broader understanding of relationships within the family, close friends and the relatives of the general, whom he tried to patronize his whole long life, because he had proper financial opportunities and moral authority.

Key words: historical biography, Diomid Nesterovich Popko, I.D. Popko, epistolary sources, family history.

For citation: Ivantsov I. G., Dubinin I. V. «My dear son John» from the letters of Diomid Nesterovich Popko to Ivan Diomidovich Popko (1857–1870) // Humanities and law research. 2023. V. 10 (1). P. 50–56 (In Russian). DOI: 10.37493/2409-1030.2023.1.6

Региональная наука и культура по своей природе персонифицированы, в ней большую роль играли отдельные ученые, общественные, литературные деятели. Одной из таких значимых персон в истории и культуре Северного Кавказа являлся генерал – лейтенант Кубанского казачьего войска, Иван Диомидович Попко.

Жизнеописанию генерала посвящено достаточно много публикаций, различными его аспектами занимались известные ученые и исследователи. Большой вклад в изучение проблемы внес Б.М. Городецкий, в 1912 г. вышел его очерк, посвященный биобиблиографическому наследию генерала [2]. История создания музея Псекупского полка и его идейного вдохновителя и организатора И.Д. Попко, стала темой исследования Н. Г. Волковой [1]. Жизненный путь генерала и сопутствующая ему деятельность стал темой историко-библиографического очерка Г. Н. Шевченко [12], малоизвестным фактам из его биографии посвящена статья И.П. Максимова [6]. Вопросы литературного наследия И. Д. Попко разбирал в своей статье В.К. Чумаченко [11] и др. Но тема далеко не исчерпана полностью, поскольку исследователи выявляют все новые и новые документы, дающие все больше сведений о жизни этого замечательного человека.

Одним из главных жизненных приоритетов Ивана Диомидовича Попко были родственные и дружеские связи. Зачастую они переплетались замысловатым образом. Для людей малосведущих в биографии историка кажется странным что своего лучшего друга – Василия Федоровича Золотаренко – он называл братом или почему турок по рождению Али Эфенди Абдул Рахим Оглы, при крещении ставший Владимиром Христофоровичем Андреевским, называл его отцом. И главное, зачем за год до своей смерти генерал-лейтенант удочерил подкинутую в начале 1885 г. к его дому в Ставрополе девочку, которую при крещении называли Ниной.

Это лишь несколько фактов из долгой жизни известного уроженца Кубани. В Государственном архиве Ставропольского края хранятся сотни писем, адресованные И. Д. Попко, в которых его племянники, дети знакомых, да и просто малознакомые люди благодарят его за помощь и называют родным человеком.

Одним из самых близких людей для Ивана Диомидовича был отец – Диомид Нестерович Попко, именно под его влиянием он окончил Астраханскую духовную семинарию и в 1838 г. поступил в Московскую духовную академию, которую покинул через год в 1839 г. «по причине часто повторявшейся вследствие золотушного расположения головной боли и воспалительного состояния глаз» [8, с. 514].

Служа в Санкт-Петербурге во 2-м эскадроне Лейб-Гвардии Черноморского казачьего дивизиона и будучи командиром Псекупского полка Иван Диомидович продолжал переписываться с отцом и выполнять все его просьбы и поручения.

В Государственном архиве Ставропольского края, авторам статьи было выявлено пять писем Диомид Нестеровича к сыну. Все они написаны из куреня Тимашевского, в период с 1857 по 1870 гг. Вероятнее всего, таких посланий было куда больше, их поиск, это задача для будущих исследователей.

Но и выявленные послания позволяют судить о достаточно близких отношениях между отцом и сыном. И делать выводы о человеческих качествах историка, этнографа, писателя, библиофила и генерал-лейтенанта Кубанского казачьего войска.

Первое из писем датировано 26 июля 1857 г., когда Иван Диомидович служил в столице в чине ротмистра, а Диомид Нестерович протоиереем в станице Тимашевской.

В начале письма отец напоминает, что в своем последнем послании, написанном в мае 1857 г. просил сына, чтобы тот купил ему небольшое Евангелие и кое-какие вещи. Далее, ожидая сына в гости он сообщает, что «принялся за поправление в лозиновском доме для жительства твоего печей и прочего и угля привожу, в настоящее время работу сию почти к концу» и тут же сетует: «пустое – переделка, но взяли до 50 руб. сер. чистоганом...» [3, л. 215].

В детстве и ранней юности Иван Диомидович учился в Екатеринодарском приходском духовном училище вместе с Василием Федоровичем Золотаренко. Затем они вместе окончили Астраханскую духовную семинарию, после чего судьба их ненадолго развела – И. Д. Попко уехал в Москву, а В. Ф. Золотаренко вернулся в Екатеринодар, где стал смотрителем училища. Их дружба была настолько крепка, что с определенного момента они, по крайней мере в письмах, стали называть друг друга братьями.

Не стали исключением и отцы товарищей. К сожалению, об их дружбе почти ничего не известно – лишь упоминания в письмах Ивана Диомидовича к Василию Федоровичу. Любопытно, что в личной переписке друзей отцы фигурируют, как Патриарх (Диомид Нестерович Попко) и Экзарх (Федор Герасимович Золотаренко).

Вторая часть письма любопытна тем, что она полностью обращена к Василию Федоровичу, который в это время служил в Санкт-Петербурге и начинается словами: «Любезный сын Василий Федорович». Далее следовала просьба: «черноморское наше правительство распространяя народонаселение, назвала рыболовный край Брыньков, состоящий при бейсугском гирле возле Азовского моря станицю. Сия станица ныне

находится в моем благочинии. Жители оной сорукают там церковь и по ходатайству моему представлено Кавказскому епархиальному начальству о разрешении им устроить оную во имение Св. великомученика Георгия. Епархиальное начальство предоставило о сем Святейшему Синоду 16 марта сего 1857 года № 642 на утверждение, но и по сие время разрешение не получено... По сим обстоятельствам прошу (...) вас постарайтесь справиться в Синоде о сем деле, и попросить кого следует о скорейшем разрешении устройства сей церкви. Когда из Синода пошлют в Ставрополь о нем дело, то уведомьте меня о том или о противном тому, в скорости [3, л. 215 об.].

Далее следует трагическая информация: «О пленнице и пленниках, о которых я писал тебе и Ване и до сих пор не предприняты ко освобождению меры» [3, л. 215 об.].

Со времен переселения на Кубань, казаки были вынуждены терпеть постоянные нападения черкесов, поэтому «...вблизи Кубани, часто встречаешь возвышающиеся над камышом наблюдательные вышки – что-то вроде голубятен, на четырех высоких столбах и с лесенкой. С этих вышек казаки высматривают черкес. Такие вышки находятся на всех постах по Кубанской кордонной линии» [10, с. 18].

В этом контексте весьма любопытна информация Николая Николаевича Филиппова, относящаяся по времени к написанию письма: «Присутствие этих вышек у самого Екатеринодара служит признаком, что город стоит не совсем в безопасном месте, что необходимо быть постоянно на стороже для предупреждения набегов горцев... Не проходит года, чтобы горцы по нескольку раз не предпринимали нападение на Екатеринодар, и поэтому, тревоги здесь бывают довольно часты. Иногда горцам удаются эти попытки, особенно зимой. Перебравшись ночью через Кубань по льду и избегнув внимания сторожевых постов, партия горцев, человек полтора, прокрадывается в город и стремительно нападает на первые попавшиеся дома или заранее высмотренные войсковые заведения. Тогда вдруг начинают бить тревогу, раздаются частые выстрелы... Горцы, захватив, если удастся, несколько человек пленных, особенно женщин и детей, да десятка два или три лошадей, поспешно переправляются за Кубань. Подобные тревоги особенно часто бывали в прошедшем 1855 году... Но в этом (1856) году, в мае месяце, довольно многочисленная шайка горцев, человек в полтора, переправилась ночью через Кубань, вплавь и на каюках (подках), ворвалась за вал и похитила артиллерийских лошадей. Схватка казаков с горцами была в самом городе и не обошлась без убитых с той и другой стороны...» [10, с. 21–22].

К сожалению, о каких пленнице и пленниках писал Диомид Нестерович узнать не удалось, можно лишь предположить, что речь идет об одном из набегов горцев на Черноморию.

С 1 апреля 1864 г. по 1 января 1871 г. Иван Диомидович командовал Псекупским полком, штаб которого находился в ст. Ключевой¹. Именно сюда было отправлено второе письмо, написанное Диомидом Нестеровичем, 9 сентября 1868 г.

Послание начинается со слов поздравления: «Будь здоров и благополучен с окончанием пятидесятилетнего твоего существования на земном шарике и со вступлением в другую половину века сей же жизни» [3, л. 11]. Но проблема состоит в том, что по официальной версии 50 лет Ивану Диомидовичу исполнилось в 1869 г., т. е. в общепринятом жизнеописании, возможно, не верно указан год рождения историка. Или отец ошибся. Это вопрос для дальнейшего изучения некоторых загадок в биографии историка.

Свою службу Диомид Нестерович начинал дьячком при Обрезанской одноприходной церкви в селении Полтавском². А в субботний день 5 октября 1818 г. он был определен священником в Троицкую церковь куреня Тимашевский. Об этой памятной для себя дате он и пишет далее: «о как течет время скоро и бурно – вот и я последний раб между священными особами, представшими у престола Божия, с возжеланием ожидаю 5 числа следующего октября дня субботнего, которого и тогда была суббота, когда архипастырь возлагал Св. руки своя на грешную главу мою с придаванием благодати Святого духа во иерея к престолу Святой Троицы...» [3, л. 11].

Нужно заметить, что связи с Полтавской ни отец, ни сын никогда не теряли. Там жил крестьянин Ивана Диомидовича – «старик Крыжановский» – «до Нового года я имею находится в Тимашевске, а с Нового года до Крещения в Полтавской у старика Крыжановского» [3, л. 76].

Завершает он письма словами: «Служу неотлучно и желаю служить до последней капли крови, поданной мною пред богом присяге» [3, л. 11].

После смерти младшего сына – Анфима-воспитание его сыновей – Антона и Григория, сначала легло на плечи Диомид Нестеровича, но престарелый дед не мог справиться, тем более, что окончив Екатеринодарское училище оба уехали учиться в Ставропольскую духовную семинарию. Постепенно бремя воспитания племянников разделил и Иван Диомидович. Будучи высокообразованным человеком, дядя старался следить за обучением братьев и по возможности помогать им. В Государственном архиве Ставропольского края сохранились несколько писем Антона и Григория, адресованные И. Д. Попко. Все послания похожи друг на друга – рассказ о своей жизни, отчет об обучении и просьба помочь финансово. И каждый раз дядя отправлял братьям некоторую сумму денег. Постепенно Иван Диомидович заменил им отца, даже о своем будущем братья

1 Город Горячий Ключ, Краснодарский край.

2 Станица Полтавская, Краснодарский край.

советовались именно с ним. В одном из писем В. Ф. Золотаренко он писал: «Во время пребывания моего в Ставрополе я порешил с моими племянниками так: старшему, богослову, оканчивать семинарский курс и наследовать от патриарха дом с хозяйством и пастерский жезл... А младшему, философу, приказал готовиться в университет, а в богословие не пускаться. Парень принял предложение охотно, и теперь я обязан, не щадя живота своего, доставлять ему средства. На первый раз он требует учебников и руководств...» [3, л. 206 – 207].

Дальше Диомид Нестерович дает поручение сыну: «полученное мною от наших хлопцев письмо сего дня препровождаю тебе на рассмотрение, я кажется писал тебе что на учебные книги уже ныне нужны деньги – я не стал о сем распоряжаться потому что из двух рук распоряжение не будет прочно. Если деньги нужны будут для сего и от меня, то я не откажу» [3, л. 11].

У старого протоиерея было большое и крепкое хозяйство, но в 1868 году ему было уже 79 лет, поэтому справляться с ним у него уже не было сил, и он жалуется сыну: «Казак находящийся у меня человек благонамеренный и я его частенько отпускаю до дому – на горе что другого нет – он все скучает за жалованием. Другое горе мельницы мои пропадут, разоряться без поправки» [3, л. 11 об.].

Такая черта характера, как хозяйственная основательность и смекалка, перешла по наследству и Ивану Диомидовичу, другое дело, что свой талант в этой области он не имел возможности нигде применить. До назначения командиром Псекупского полка вся его жизнь проходила в командировках и разъездах, долго на одном месте он не задерживался. Поэтому, обретя стабильность, он первым делом решил заняться обустройством хозяйства.

После того как он немного обжился на новом месте, на берегах реки Псекупс, в Санкт-Петербург к В. Ф. Золотаренко улетело письмо со словами: «Я избираю место для собственного водворения в самых недрах гор, у подошвы главного хребта. Там множество садов в диком состоянии, а потому и намерен заняться садоводством, присоединив к нему и пчеловодство. Вследствие чего прошу Вас выслать мне лучшие по этим двум отраслям сельской промышленности руководства» [3, л. 195 об.].

Для развития своего хозяйства командиру Псекупского полка нужен был тягловый крупный рогатый скот для вспашки земли. Поэтому следующие два письма Д. Н. Попко сыну в основном касаются двух волов и их перегону из станицы Тимашевской в станицу Ключевую.

В письме от 4 февраля 1870 г. Диомид Нестерович пишет, что «казак ст. Рогивской¹ Сухарь сего дня явился ко мне для взятия волов и доставления к тебе при помощи тимашевского ка-

зака (Кира Тищенко)» и добавляет: «между моим скудным хозяйственным стадом избрал одну пару самых лучших под моим именным тавром и клеймом, тебе известным, они волики дружны не только молодые и требуют хозяйственного присмотра, а ежели будут смотреть, то будут и работать» [4, л. 34]. 18 февраля этого же года он сообщает, что волы отправлены в Ключевую [5, л. 89 об.].

4 февраля отец жалуется сыну, что «я после известного тебе моего недуга освобожден, но прошедшую дурную погоду получил простуду и... кашлю. В повечерие Крещения и в день Крещения исправлял мою должность добрый мой отец Иоанн», далее он просит сына: «он кажется должен быть у тебя лично хлопотать за сынов своих, пожалей его дай ему добрый совет и наставление. Теперь многие наши духовные не знают, что делать с исключенными из училища детьми» [4, л. 34 об.].

На конец 1860 – 70-х гг. приходится реформирование духовных семинарий по новому уставу. В этой связи появилось относительно большое количество детей священников, которые в силу разных причин не смогли поступить в духовные семинарии или вынуждены были прервать обучение. Поэтому отец Иоанн хотел спросить у Ивана Диомидовича, как у более опытного и сведущего, совета, как быть его детям.

Диомид Нестерович хотел, чтобы его сменил старший внук Антон. Чувствуя приближение этого судьбоносного момента, он просит сына: «Если получил ты что-нибудь от Антона на мое письмо, то уведомя меня. Я уже чувствуя слабость в здравии избираюсь на покой только не знаю, как я буду существовать в одиночестве» [4, л. 34–34 об.]. Ко времени написания этого письма – 4 февраля 1870 г. – Диомид Нестерович остался один: жены давно уже не было в живых, Анфим умер, Анна замужем, Иван командует полком в ст. Ключевой... Из двух внуков надежда была только на Антона.

Второй – Григорий – ни его, ни надежд дяди не оправдал. Более того возможно именно его деятельность, в какой-то мере привела к тому, что административная и политическая карьера Иван Диомидовича была сломлена. Как замечал Иоанн Платонович Максимов в своем докладе на заседании ОЛИКО 15 ноября 1913 г. и впервые опубликованном А. И. Слуцким в 4 номере за 2011 г. в журнале «Культурная жизнь Юга России»: Быстрое движение Ивана Диомидовича по службе, достижение губернской должности, да еще в таком ответственном месте, как новозавоеванная Карская область, вдруг внезапно прерывается, и он навсегда поселяется в Ставрополе, типичном захолустном городе. Отчего? Почему?

По мнению А. И. Слуцкого: «Требуется дальнейших изысканий утверждение И. Максимова о том, что И. Д. Попка в последние годы жизни находился в опале и имел частые и неприятные столкновения с местной администрацией» [7, с. 126].

1 ст. Роговская, Краснодарский край

Приходилось слышать, что он был причастен к политическому движению и что жил он в Ставрополе будто бы по Высочайшему повелению, как бы в ссылке; будто бы просился выехать за границу и получил отказ, и лишь незадолго, за год-два перед смертью, обязательство жить в Ставрополе, будто бы было с него снято, на что он будто бы ответил: «Уже поздно» [6, с. 128].

Григорий, в отличие от брата, учась в Ставропольской духовной семинарии, попал под влияние молодых профессоров, прибывших из Санкт-Петербурга и разделявших революционные взгляды. «В семинарии началось брожение. Собирались сходки; велись оживленные толки по поводу новых идей, завезенных молодыми учителями... Шли разговоры о том, как честно жить, как приносить пользу людям. Одним словом, мысль лихорадочно заработала и в бурсу проникли широкой струей идеи 60-х гг. Среди увлекавшихся новым словом видную роль играл юноша Попко. Под влиянием учителей и журнальных статей, среди членов успевшего образоваться кружка, к которому принадлежал и Попко, родилась и созрела мысль бросить семинарию, основать на родине земледельческую ассоциацию, обрабатывать землю своим трудом, прилагая все улучшения и выводы науки; своим примером поднять народ до умственного уровня самих пропагандистов и заставить его организоваться на точно таких же началах, на каких желали жить и члены кружка» [9, с. 181].

Поэтому в письме от 18 февраля 1870 г. Диомид Нестерович пишет сыну: «Жалею крепко о глупости Грицка – вот и пословица старинная (найдя сироту, вместо того чтоб дать помощь приютить ногою) постарайся всеми силами извлечь Его от того лукавого общества. И дай направление доброе» [5, л. 90].

Григорий, как и его дед и дядя, был человеком упрямым, поэтому ни какие увещания не помогли. В итоге ему вместе с четырьмя друзьями удалось воплотить идею по созданию земледельческой ассоциации в жизнь. Бросив учебу они арендовали землю у отца одного из товарищей, но все пошло не так и через два года им пришлось свернуть деятельность ассоциации. В надежде на возобновление ее работы два человека отправились набираться сельскохозяйственных знаний в Петровско-Разумовскую академию. Постепенно интересы Григория изменились, и он перебрался в Новороссийский университет на юридический факультет, где вступил в революционный кружок.

К этому времени самым близким из родственников для него стал дядя, который «посмотрел на переход (из Петровско-Разумовской академии в Новороссийский университет) благосклонно и обещал помогать деньгами Григорию. Эта помощь дала (Григорию) Попко свободное время, которое иначе пошло-бы на добывание хлеба, а теперь всецело могло быть посвящено на подготовку и революционную деятельность» [9, с. 181].

Постепенно его взгляды на методы революционной борьбы претерпели изменения – от менее к более радикальным и в итоге в 1878 г. он примкнул к «Земле и воле». Ночью 25 мая этого же года в Киеве Г. А. Попко совершил покушение на жандармского ротмистра Густава Эдуардовича фон Гейкинга, который от полученных ран скончался. В августе этого же года Григорий был схвачен и 5 августа 1879 г. приговорен к пожизненной каторге.

Последнее послание было написано 30 марта 1870 г. также в ст. Ключевую. Диомиду Нестеровичу уже 81 год. Поэтому он все чаще задумывается о своем приемнике: «Письмо твое от 25 сего марта с приложением такового ж от Антона я получил и уведомляю, что я сего дня т. е. 30 марта осведомился что, преосвященный получил от Св. Синода разрешение производить окончивших курс во священники по-старому и потому обращаю тебе Антоново письмо ко мне, возлагаю все хлопоты об нем на тебя относительно производства его на место мое во священники. Ибо если мне об том хлопотать, то при нынешнем моем болезненном положении я нездолею, постарайся о сем как можно лучше» [3, л. 119–119 об.].

Диомид Нестерович в каждом письме жалуется на свое здоровье. В 1857 г., когда ему было 68 лет и была жива его жена – Мария Федоровна, он пишет: «я и маменька живи, но весьма слабы» [3, л. 215]. В одном из писем Василию Федоровичу Иван Диомидович писал, что патриарх страдает незаживающими язвами, поэтому в 1868 г. тот сетует, что «нога моя в одном положении, но я с нею свыкся» [3, л. 12].

Судя по всему, в своем старшем племяннике Иван Диомидович был несколько разочарован. Не имея своих детей, он хотел воспитать братьев «по своему облику и подобию». Но «старший из моих племянников через год окончит курс. По новому положению о духовенстве он должен быть до 30 лет дьячком. Жалкая доля и погибший человек! Надо бы ему еще поучиться, чтобы приготовиться для деятельности далее разумной и полезной. Для университета он не годится, а мог бы запастись какими-нибудь пригодными в жизни знаниями в одном из специализированных заведений, как например, в земледельческой или какой-нибудь технической школе, или в учительской семинарии, чтобы был учителем народной школы...» [3, л. 210 – 210 об.].

После окончания Ставропольской семинарии Антон, был определен в Троицкую церковь Тимашевского куреня «по-старому», т. е. заштатным священником.

И. Д. Попко был натурой увлекающейся, но к своим начинаниям подходил основательно. В его библиотеке были книги по сельскому хозяйству и пчеловодству. Когда в мае 1864 г. он прибыл к месту службы в ст. Ключевую, то, по прохождению нескольких месяцев, приступил к осуществлению

своих задумок. Вот почему последними словами Диомиды Нестеровича Попки в послании были: «Обширные твои земледельческие работы да благословит Бог» [3, л. 119 об.].

Со времен заселения Правобережья Кубани казаки страдали от болезней (оспа, цинга, холера, разного рода лихорадки, малярия и др.), обусловленных господствующим здесь климатом и рельефом. С такими же проблемами столкнулись и переселенцы за Кубань. Не мог обойти эти проблемы в своих письмах и И. Д. Попко. 21 ноября 1865 г. он жалуется В. Ф. Золотаренко на большую смертность среди переселенцев и, «что климат лихорадочный... В прошлом году думали, что будем болеть только первый год, а потом обживем новую местность в добром здоровье. Не тут то было, – лихорадка повторялась с прежней силой, и вот какое уже позднее время года, а она еще не прекратилась... Земля сильно истощена... Вообще кавказские горы далеко не стоят тех громких фраз, которые им расточают люди, не глядявавшие в глубину ущельев» [3, л. 196].

В 1866 году он сетует на то, что проблемы «горной колонизации приняли огромные размеры, а борьба с ними поглощает «всего человека с головы до ног». Далее он жалуется, что сам не смог избежать такой участи «и продолжительно болел лихорадкой, не переставая терзать русское население в горах» [3, л. 198].

Следующий – 1867 г. – не принес облегчения. Как и в предыдущем, в следующем году он сетует на все те же проблемы, о том, что колонизация «плохо принялась за три года. Болезни и смертность не прекращаются». Много бед приносят постоянные бури и наводнения, передвижение между населенными пунктами и внутри них затруднительны в силу

вышеназванных причин. «Хлебопашество не идет» поэтому все эти годы были сплошные неурожаи, продовольствие, даже казенное, заканчивается. И делает свое заключение, что «положение затруднительное» [3, л. 201 – 201 об.].

В 1868 г. ситуация усугубилась: «Зима в горах ужасная. Дожди, бури, снежные метели – одно сменяется другим, и солнца нет, как в Питере. Реки бушуют и даже незавидные сообщения разрушены. В магазинах нет хлеба, у людей не стает сена» [3, л. 203 об.].

Поэтому, когда в 1871 г. Псекупский полк был расформирован и Иван Диомидович, соответственно, лишился должности его командира, он совершенно не горевал по этому поводу: «в нашем муравейнике новый год начался введением нового положения и новыми назначениями, в числе которых на мою долю не выпало ничего. Да это и не слишком меня огорчает, – устал, умаялся, чувствую потребность отдыха...» [3, л. 184].

Иван Диомидович Попко очень бережно, трепетно относился к письмам, особенно личным, осуждал их уничтожение и говорил, что «с большею основательностью можно произносить приговоры о человеке по его письмам» [3, л. 67], поэтому старался сохранить как можно больше посланий от друзей и родственников. Судьба его архива печальна – много из сохраненных им документов исчезло во времени и виной тому являются войны, революции, и просто человеческая халатность. Тем более важны для нас те крохи, которые удалось сохранить. Информации же о жизни и деятельности Диомиды Нестеровича Попко, отца генерала, его отношениях с сыном и близкими родственниками сохранилось очень мало, тем интереснее эти пять небольших писем...

Литература

1. Волкова Н. Г. Музей Псекупского полка // Ученые записки. Адыгейский НИИЯК. История и этнография. 1965. Т.4. С. 271–276.
2. Городецкий Б. М. Иван Диомидович Попка: биобиблиографический очерк // Литературные и общественные деятели Северного Кавказа: биобиблиографические очерки. Екатеринодар: Б.и., 1912. С. 29–36.
3. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф.377. Оп.1. Д.7.
4. ГАСК. Ф.377. Оп.1. Д.22.
5. ГАСК. Ф.377. Оп.1. Д.14.
6. Максимов И. П. К биографии Ивана Диомидовича Попко // Культурная жизнь Юга России. 2011. №4(42). С.128–131.
7. Слуцкий А. И. Рукопись И. П. Максимова – «К биографии Ивана Диомидовича Попки» // Культурная жизнь Юга России. 2011. № 4(42). С. 123–127.
8. Смирнов С. К. История Московской духовной академии до ее преобразования (1814–1870). М.: М. Катков, 1879. 632 с.
9. Стеблин-Каменский Р. А. Григорий Анфимович Попко // Былое. Журнал, посвященный истории освободительного движения. СПб: Парамонов Н. Е., 1907. № 5/17.
10. Филиппов Н. Поездка по берегам Азовского моря летом 1856 года СПб: в типографии Морского министерства, 1857. 170 с.
11. Чумаченко В. К. Генерал с душой поэта // Культурная жизнь Юга России. 2004. № 1. С. 3–8.
12. Шевченко Г. Н. И. Д. Попко (1819–1893): историко-биографический очерк // Проблемы историографии и культурного наследия народов Кубани дореволюционного периода. Краснодар: КубГУ, 1991. С. 61–69.

References

1. Volkova N. G. Muzej Psekupskogo polka (Museum of the Psekupsky regiment) // Uchenye zapiski. Adygejskij NIIYaK. Istoriya i etnografiya. 1965. Vol.4. P.271–276. (In Russian).
2. Gorodeckij B. M. Ivan Diomidovich Popka: biobibliograficheskij ocherk (Ivan Diomidovich Popka: bio-bibliographic essay) // Literaturnye i obshchestvennye deyateli Severnogo Kavkaza: biobibliograficheskie ocherki. Ekaterinodar, 1912. 396 p. (In Russian).

3. State archive of Stavropol territory (GASK). F.377. Inv.1. D.7.
4. GASK. F.377. Inv.1. D.22.
5. GASK. F.377. Inv.1. D.14.
6. Maksimov I. P. K biografii Ivana Diomidovicha Popko (On the biography of Ivan Diomidovich Popko) // Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii. Krasnodar: KSUKI publ., 2011. No. (42). P. 128–131. (In Russian).
7. Sluckij A. I. Rukopis' I. P. Maksimova «K biografii Ivana Diomidovicha Popki» (The manuscript of I. P. Maksimov «On the biography of Ivan Diomidovich Popka») // Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii. 2011. No. 4(42). P. 123–127. (In Russian).
8. Smirnov S. K. Istoriya Moskovskoj duhovnoj akademii do ee preobrazovaniya (1814–1870) (The history of the Moscow Theological Academy before its transformation (1814–1870). Moscow: M. Katkov publ., 1879. 632 p. (In Russian).
9. Steblin-Kamenskij R. A. Grigorij Anfimovich Popko (Grigory Anfimovich Popko) // Byloe. Zhurnal, posvyashchennyj istorii osvoboditel'nogo dvizheniya. 1907. No. 5/17. (In Russian).
10. Filippov N. Poezdka po beregam Azovskogo morya letom 1856 goda (A trip along the shores of the Sea of Azov in the summer of 1856) St. Peterburg: Moscow University publ., 1857. 170 p. (In Russian).
11. Chumachenko V. K. General s dushoj poeta (General with the soul of a poet) // Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii. 2004. No.1. P. 3–8. (In Russian).
12. Shevchenko G. N. I. D. Popko (1819 – 1893): istoriko-biograficheskij ocherk (I. D. Popko (1819–1893): historical and biographical essay) // Problemy istoriografii i kul'turnogo naslediya narodov Kubani dorevolucionnogo perioda. – Krasnodar: KSU publ., 1991. P. 61–69. (In Russian).

Сведения об авторах

Иванцов Игорь Григорьевич – доктор исторических наук, профессор 1 кафедры Краснодарского высшего военного училища имени генерала армии С.М. Штеменко / IIG23@yandex.ru

Адрес: 4, ул. Красина, 350035, Краснодар, Российская Федерация.

Дубинин Игорь Владимирович – библиотекарь Динского механико-технологического техникума (станция Динская, Краснодарский край). председатель Динского районного общества историков-архивистов / titlo@mail.ru

Адрес: 152, ул. Красная, 353204, Динская, Российская Федерация.

Information about the authors

Igor G. Ivantsov – Doctoral of Historical Science, Professor, 1st Chair of the Krasnodar Higher Military School named after Army General S.M. Shtemenko / IIG23@yandex.ru

The address: 4, Krasina st., 350035, Krasnodar, Russian Federation

Igor V. Dubinin – librarian of the Deansk Mechanical and Technological College (stanitsa Dinskaya, Krasnodar Krai), Chairman of the Dean District Society of Historians and Archivists / titlo@mail.ru

The address: 152, Krasnaya st., 353204, Dinskaya, Russian Federation